

Ю.Г.Коргунюк

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ И ПРЕДМЕТНЫЕ РАЗМЕЖЕВАНИЯ: МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Коргунюк Юрий Григорьевич — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН, зав. отделом политологии Фонда ИНДЕМ. Для связи с автором: partinform@mail.ru.

Аннотация. В статье представлена и обоснована методика определения содержания политических измерений. ПИ выявляются путем факторного анализа позиций политических партий по актуальным вопросам повестки дня. Помимо этого, проводится факторный анализ позиций партий в отдельных предметных областях — внутривнутриполитической, социально-экономической и системной. Факторные нагрузки партий внутри выявленных частных размежеваний используются как независимые переменные для построения регрессионных моделей, роль зависимых переменных в которых выполняют факторные нагрузки тех же партий внутри политических измерений. Эти модели позволяют определить удельный вес того или иного предметного размежевания внутри каждого из политических измерений и, соответственно, прояснить содержание последних.

Применение данной методики к общенациональной дискуссии показало, что на конец осени 2020 г. первое ПИ характеризовалось противостоянием «голубей» и «ястребов» во внешней политике и, дополнительно, власти и оппозиции в социально-экономической сфере; второе — противостоянием власти и оппозиции в политической сфере, дополненным размежеванием «голубей» и «ястребов» во внешней политике и коммунистов и либералов в социально-экономической области; третье — противостоянием коммунистов и либералов в социально-экономической сфере, а также либералов и лоялистов в политической сфере и власти и советских традиционалистов в сфере системной.

Использование той же методики для анализа результатов выборов в региональные собрания по пропорциональной системе (2016—2020 гг.) обнаружило, что увеличение числа партий-участниц не только расширяет размерность политического пространства, но и делает состав политических измерений более разнообразным. Одновременно было зафиксировано изменение структуры доминирующих предметных размежеваний внутри политических измерений, а также размывание политической картины и повсеместный выход на первый план противостояния власти и оппозиции.

Как следует из анализа, в среднем политические измерения воспринимались избирателями как самостоятельные размежевания лишь в трети случаев. Сложный состав этих измерений свидетельствует о возрастании полвариантности массового политического сознания, однако данная тенденция компенсируется превалированием более легких для восприятия форм — противостояния власти и оппозиции в политической и социально-экономической сферах.

Ключевые слова: концепция размежеваний, политические партии, массовое сознание, выборы в региональные собрания, постсоветская Россия

Политическая жизнь — прежде всего борьба. Если в домассовый период это была большей частью борьба амбиций, то в условиях массовой политики — борьба позиций. Амбиции, конечно, никуда не делись, но реализуются с оглядкой на массового избирателя.

¹ *Lipset and Rokkan*
1967.

Концепция размежеваний¹ предполагает, что кандидаты и партии, выступая в качестве активной стороны политического процесса, тем не менее ориентируются на предпочтения избирателей, обусловливаемые социальным положением последних. Политические игроки борются друг с другом, но именно за электорат, причем не всегда отчетливо понимая, чего конкретно тот от них ждет. В результате образуются два пласта политики, во многом пересекающиеся, но фактически существующие параллельно: политика «элитная», в которой действует активное меньшинство, и политика массовая, в которую втянуты широкие слои населения.

Актеры «элитной» политики относительно неплохо осведомлены об общей расстановке сил, во всяком случае о том, кто из игроков какую позицию занимает. Участники политики массовой, то есть рядовые избиратели, демонстрируют разную степень осведомленности об общей диспозиции — от искушенной до младенчески наивной, но в целом можно сказать, что отличительные свойства массового политического сознания — фрагментированность и противоречивость. Объединяет его в нечто целое именно деятельность политически активного меньшинства, предлагающего различные варианты решения общественных проблем. Отдавая предпочтение тому или иному из них, электорат формирует итоговую расстановку сил, которая зачастую оказывается совсем не такой, какой она виделась активному меньшинству.

Костяк итоговой картины определяется совокупностью размежеваний. Таких размежеваний может быть много, но они, как правило, накладываются друг на друга и сливаются в несколько основных. В идеальном случае — в одно, как в двухпартийных системах. Например, в США сторонники свободного ношения оружия в большинстве случаев бывают также противниками аборт, легализации однополых браков и повышения налогов на предпринимательскую деятельность. Это создает условия для их объединения в рядах Республиканской партии, тогда как их оппоненты по данному кругу вопросов тяготеют к демократам.

В Европе дело обстоит сложнее. Здесь схожесть взглядов на социально-экономические проблемы не всегда тождественна близости социокультурных позиций. Так, «Альтернатива для Германии» по своим социально-экономическим воззрениям мало отличается от ХДС/ХСС и «Свободных демократов», но оказывается на противоположной стороне баррикад, когда речь заходит об иммигрантах и перспективах евроинтеграции. Иными словами, социально-экономическое и социокультурное размежевания вступают друг с другом в ортогональные отношения, что делает сегодняшнюю германскую политику как минимум двумерной².

² Подробнее см. Коргунюк 2019; Коргунюк 2020.

³ Лейнхарт 1997.

⁴ Rae 1967; Rae and Taylor 1970.

⁵ Slider, Gimpelson, and Chugrov 1994; Ахременко 2007; Коргунюк 2013, 2019; Коргунюк 2020.

⁶ Коргунюк 2013, 2019; Коргунюк 2020.

Существуют количественные методы измерения отношений между размежеваниями. Некоторые из них были предложены еще полвека назад — в частности, коэффициент «угла пересечения»³ или «индекс пересечения Рея-Тейлора»⁴. Для современного этапа более характерно использование факторного анализа⁵. Измеряются главным образом электоральные размежевания, формируемые рядовыми избирателями, *т.е.* массовым политическим сознанием. Однако факторный анализ применим и для выявления структуры размежеваний в «элитном» политическом сознании. Если в случае с электоральными размежеваниями в качестве эмпирической основы берутся результаты голосования за те или иные партии в различных территориальных единицах, то в случае с размежеваниями политическими — позиции партий по вопросам, вызывающим наибольшую поляризацию мнений⁶.

Главной проблемой при этом остается субъективность интерпретации результатов факторного анализа. Продемонстрируем это на российском примере.

Факторный анализ позиций 11 из 14 российских партий, принимавших участие в думских выборах 2016 г.⁷, по 154 вопросам, актуальным на конец осени 2020 г., как и все предыдущие замеры, выявил три основных фактора политического размежевания (см. *табл. 1 Приложения*).

⁷ Из списка были исключены «Гражданская сила», «Гражданская платформа» и «Зеленые», явно участвовавшие в общенациональной политической дискуссии.

В первом из них (см. *рис. 1 Приложения*) либералы — «Яблоко» и ПАРНАС — противостоят всем остальным, и прежде всего левым и «патриотам». Вопросы с наибольшими по модулю факторными оценками (*factor scores*), то есть вызвавшие наибольшую поляризацию (см. *табл. 2 Приложения*), относятся в первую очередь к сфере внешней политики, но не только — здесь же мы видим отношение к традиционным ценностям, гомосексуализму, поправкам в Конституцию, а также социально-экономические проблемы, такие как, например, реиндустриализация и повышение пенсионного возраста.

Во втором факторе (см. *рис. 2 Приложения*) либералы противостоят «Единой России». Вопросы с наибольшими расхождениями (см. *табл. 3 Приложения*) носят как политический, так и социально-экономический характер.

В третьем факторе (см. *рис. 3 Приложения*) КПРФ и «Коммунисты России» противостоят лоялистам-рыночникам — Партии роста, Российской партии пенсионеров за социальную справедливость

и «Единой России». Наибольшую поляризацию порождают как социально-экономические, так и мировоззренческие и политические вопросы (см. *табл. 4 Приложения*).

В своих прежних работах, несколько упрощая картину, мы обозначали первый фактор как системное размежевание, проявляющееся в противостоянии между приверженцами открытости/закрытости общественных систем.

⁸ Inglehart 1990.

⁹ Franklin 1992; Müller-Rommel (ed.) 1989.

¹⁰ Kriesi et al. 2012.

¹¹ Häusermann and Kriesi 2015.

¹² Teney, Lacewell, and Wilde 2014.

¹³ Bornschier 2010.

¹⁴ Hooghe, Marks, and Wilson 2002; Hooghe and Marks 2018.

NB! Следует отметить, что открытость/закрытость может носить как временной, так и пространственный характер. В первом случае оппоненты ориентируются на будущее/прошлое, во втором — на интеграцию в наднациональные структуры либо, напротив, на национальную замкнутость. «Временная» вариация выражается в разделении на материалистов и постматериалистов⁸, старую и новую политику⁹; «пространственная» — в противопоставлении сторонников интеграции сторонника демаркации, выигравших от глобализации проигравшим от нее¹⁰, универсалистов партикуляристам¹¹, космополитов коммунитаристам¹². Существуют и комбинированные вариации, когда либертарианцы-унитаристы противопоставляются традиционалистам-коммунитаристам¹³ или зеленые/альтернативисты/либертарианцы — традиционалистам/авторитаристам/националистам (GAL/TAN)¹⁴.

Второй фактор трактовался нами как авторитарно-демократическое размежевание, утратившее актуальность на Западе, но сохранившее ее на постсоветском пространстве и в Латинской Америке, а в последнее время возродившееся и в ряде стран Центральной и Восточной Европы¹⁵. Наконец, третий фактор интерпретировался как социально-экономическое размежевание, еще недавно считавшееся доминирующим в Западной Европе¹⁶.

Однако эти заключения были сделаны с учетом не столько вопросов с наибольшими по модулю факторными оценками, сколько состава участников каждого из противостояний. Факторный анализ и не предназначен для выявления содержания размежеваний: он ориентируется на разброс оценок. Первый фактор еще может указывать на характер противостояния, но все остальные выявляют скорее размерность политического пространства. Каждый последующий фактор чисто формально определяет разброс между теми участниками, которые в предыдущем размежевании находились ближе к центру. Этим, в частности, и объясняется тот факт, что главными оппонентами коммунистов в третьем размежевании оказались не «Яблоко» и ПАРНАС, имевшие высокие модули факторных нагрузок по второму фактору, а Партия роста и «пенсионеры».

Другими словами, выявляемые подобным анализом факторы — это не столько сами размежевания, сколько измерения, внутри которых они находятся.

¹⁵ Torcal and Mainwaring 2002; Stoll 2004: 32; Ахременко 2007; Sata and Karolewski 2020.

¹⁶ Budge and Homola 2012.

В настоящей статье предложена методика определения содержания этих измерений, а также случаев, когда такие измерения сами могут выступать в качестве размежеваний.

Материалом для исследования служат результаты партий на выборах в региональные собрания по пропорциональной системе (2016—2020 гг.). Дело в том, что составы участников этих выборов в каждом субъекте Федерации различны, и именно это обуславливает неодинаковое содержание политических измерений. Мы исходим из того, что чем более многосоставными являются политические измерения, тем менее понятна политическая картина рядовому избирателю и тем больше он ориентируется на частные размежевания и отдельных участников electoralного процесса. Однако не факт, что эта гипотеза подтвердится.

Методология исследования

¹⁷ Коргунок
2013, 2017, 2019;
Korgunuk 2020.

Напомним описанную в наших прежних работах¹⁷ методику выявления политических размежеваний (измерений). Позиции партий по актуальным проблемам повестки дня оцениваются по шкале от –5 до +5. Если партия избегает высказываться по проблеме или придерживается центристской линии, ее позиция обозначается нулем. Если между представителями одной и той же партии возникают разногласия, то выставляется усредненная оценка, выводимая с учетом политического веса дискутантов.

¹⁸ Budge 1987.

Полученные оценки подвергаются факторному анализу, в результате которого выявляются факторы размежевания — политические измерения (issue dimensions). Чтобы избежать при их интерпретации чрезмерного субъективизма, вопросы разбиваются на предметные области (issue domains)¹⁸ — в нашем случае таких областей три: внутриполитическая, социально-экономическая и системная — и анализируются отдельно. Полученные факторные нагрузки переменных (партий) сравниваются с их же факторными нагрузками на осях основных политических измерений посредством корреляционного анализа и множественной регрессии (метод наименьших квадратов — OLS).

Продемонстрируем методику на основе замеров конца осени 2020 г.

Во внутриполитической области (49 вопросов) выявлены два размежевания:

- 1) власть («Единая Россия») против всех остальных. Главные пункты поляризации — использование на выборах административного ресурса, всенародное избрание глав местного самоуправления, отмена «муниципального фильтра», дистанционное голосование, сокращение пропорциональной составляющей смешанной избирательной системы в пользу мажоритарной, закон о едином информационном регистре, содержащем сведения о населении РФ, и др. Обозначим данное размежевание как авторитарно-демократическое — «власть против оппозиции» (АД-ВО);
- 2) либералы (ПАРНАС, «Яблоко») против лоялистов («Единая Россия», ЛДПР, «Патриоты России», Российская партия пенсионеров

за социальную справедливость, «Родина»). Главные пункты поляризации — отношение к Владимиру Путину, предложенным им поправкам к Конституции и обнулению его президентских сроков, бойкот голосования по поправкам к Конституции, определение российского политического режима как авторитарного, отношение к Алексею Навальному и его сторонникам и др. Это размежевание тоже представляет собой разновидность авторитарно-демократического. Обозначим его АД-ЛиЛо.

В социально-экономической области (45 вопросов) тоже обнаруживаются два размежевания:

- 1) власть («Единая Россия») против остальных. Главные пункты поляризации — оптимизация здравоохранения и образования, заморозка пенсионных накоплений, бюджетная политика правительства, «мусорная» реформа, налоги на самозанятых, повышение НДС и пенсионного возраста и др. Обозначим это размежевание СЭ-ВО;
- 2) либералы (ПАРНАС, «Яблоко», Партия роста) против коммунистов (КПРФ, «Коммунисты России»). Главные пункты поляризации — эффективность частной собственности по сравнению с государственной, вмешательство государства в экономику, перевод экономики на плановые рельсы, возврат к бюджетному финансированию медицины и образования, национализация базовых отраслей, приватизация государственного и муниципального имущества, отмена независимости Центробанка, государственное регулирование цен и тарифов. Обозначение — СЭ-ЛиК.

Наконец, в системной области (84 вопроса)¹⁹ таких размежеваний три:

- 1) «голуби» (ПАРНАС, «Яблоко») против «ястребов», то есть остальных. Главные пункты поляризации — поддержка путинской внешней политики, присоединение Крыма, причастность России к военным действиям на юго-востоке Украины, катастрофе с малазийским «Боингом» и покушению на Скрипалей, отмена контрсанкций, сокращение расходов на оборону и др. Обозначение — Сист-ГЯ;
- 2) советские традиционалисты (КПРФ, «Коммунисты России») против прогрессистов (ПАРНАС, «Яблоко», Партия роста). Главные пункты поляризации — отношение к Октябрьской революции, советскому периоду, Ленину, Сталину, ГКЧП, событиям в Белоруссии и т.п. Обозначение — Сист-СТП.
- 3) власть («Единая Россия») против советских традиционалистов (КПРФ, «Коммунисты России»). Главные пункты поляризации — изменение топонимов, связанных с советским временем, отношение к предложенным Путиным поправкам к Конституции, перезахоронение Ленина и проч. Обозначение — Сист-ВСТ.

Корреляционный анализ факторных нагрузок партий с их факторными нагрузками в основных политических измерениях дал следующие

¹⁹ Итоговая сумма вопросов превышает 154, поскольку некоторые вопросы входили сразу в несколько предметных областей. Так, отношение к капитализму — вопрос одновременно и социально-экономический, и мировоззренческий.

результаты. Первое политическое измерение (ПИ-1) тесно коррелирует с внешнеполитической составляющей системного размежевания (Сист-ГЯ) и размежеванием между коммунистами и либералами в социально-экономической сфере (СЭ-ЛиК); второе (ПИ-2) — с внешнеполитической составляющей системного размежевания (Сист-ГЯ), обеими разновидностями внутривнутриполитического размежевания (АД-ВО и АД-ЛиЛо) и мировоззренческими расхождениями между властью и советскими традиционалистами (Сист-ВСТ); третье (ПИ-3) — с противостоянием советских традиционалистов как либералам-прогрессистам (Сист-СТП), так и власти (Сист-ВСТ), а также с размежеванием между коммунистами и либералами в социально-экономической сфере (Сист-ЛиК) (см. *табл. 5 Приложения*).

Как видим, картина весьма пестрая. Каждое из политических измерений связано как минимум с тремя частными (предметными) размежеваниями. Но какова иерархия этих размежеваний внутри этих измерений?

Для корреляционного анализа главными критериями являются модуль коэффициента и вероятность ошибки (p-level): первый должен быть как можно выше, вторая — как можно ниже. С этой точки зрения для первого и второго измерений наиболее важной составляющей оказывается внешнеполитический компонент системного размежевания (Сист-ГЯ), для третьего — противостояние власти и советских традиционалистов в мировоззренческой области (Сист-ВСТ). Это ломает интуитивные представления о внутренней схеме каждого из измерений.

Однако корреляционный анализ не учитывает взаимодействия частных размежеваний между собой. Зато с этим прекрасно справляется множественная регрессия (см. *табл. 6 Приложения*), где факторные нагрузки партий в основных политических измерениях выступают в качестве зависимых переменных, а их же нагрузки в предметных размежеваниях — в качестве независимых.

Обнаружилось, что для ПИ-1 характерно сочетание внешнеполитического размежевания (Сист-ГЯ) и противостояния власти и невласти в социально-экономической сфере (СЭ-ВО), причем ведущую роль играет именно первое, поскольку его бета-коэффициент почти вдвое выше (0,89 против 0,45). ПИ-2 соединяет в себе три противостояния — власти и невласти в политической сфере (АД-ВО), «голубей» и «ястребов» во внешней политике (Сист-ГЯ) и коммунистов и либералов в социально-экономической сфере (СЭ-ЛиК) — при ведущей роли авторитарно-демократического размежевания. ПИ-3 сочетает противостояния коммунистов и либералов в социально-экономической сфере (СЭ-ЛиК; ведущее место), либералов и лоялистов в политической сфере (АД-ЛиЛо) и власти и советских традиционалистов в сфере системной (Сист-СТП). При этом фактически во всех случаях коэффициент детерминации (R^2) приближается к единице, а уровень ошибки (p-level) — к нулю, что говорит о высокой объяснительной силе моделей.

Стало быть, интуитивная догадка верна: первое политическое измерение действительно связано прежде всего с системным (внешнеполитическим) размежеванием, второе — с авторитарно-демократическим, третье — с социально-экономическим. Однако во всех случаях они разбавлены «примесями», а следовательно, не вполне очевидны, тем более для рядового избирателя.

Попробуем использовать данную методику для интерпретации содержания политических измерений на выборах в региональные собрания по пропорциональной системе в 2016—2020 гг.

Чтобы понять, в какой степени указанные политические измерения воспринимались избирателями в качестве политических размежеваний, воспользуемся той же множественной регрессией. Только на этот раз в роли зависимых переменных выступят факторные нагрузки партий в электоральных размежеваниях, выявляемых факторным анализом результатов партий в различных территориальных единицах²⁰, а в роли независимых — факторные нагрузки тех же партий в основных политических измерениях и предметных размежеваниях.

Если основные политические измерения попадают в число предикторов электоральных размежеваний, значит они «видны» электорату. В противном случае политическую картину можно считать «размытой» — здесь избиратели ориентируются либо на частные размежевания, либо просто на имидж партий и их руководителей.

²⁰ Подробнее о методике их выявления см. Коргунок 2013, 2017, 2019.

**Содержание
политических
измерений
на выборах
в региональные
собрания
(2016–2020 гг.)**

В 2016 г. выборы в законодательные собрания проводились в 39 регионах. Количество партий, зарегистрировавших свои списки, колебалось от четырех до 10. Политических измерений везде сформировалось не менее двух, в четырех регионах — три, причем в Томской области для этого хватило семи участников; в Красноярском крае 10 партий образовали всего два измерения.

В регионах с четырьмя участниками оба политических измерения оказались связаны лишь с одним предметным размежеванием (в Дагестане второе ПИ — с двумя, оба авторитарно-демократического характера). Причем везде, кроме Чечни, первое измерение было обусловлено противостоянием власти и оппозиции в социально-экономической сфере (в Чечне — в политической), а второе — их же противостоянием в политической сфере (в Чечне — в социально-экономической). Не следует, однако, придавать этому слишком большое значение. В той же Чечне первое измерение очень сильно (с коэффициентом, близким к единице) коррелировало с целым рядом предметных размежеваний — и в политической, и в социально-экономической, и в системной областях, просто у размежевания АД-ВО коэффициент был самым высоким, а p-level — самым низким.

Во всех остальных регионах, за исключением Санкт-Петербурга, первое политическое измерение было связано не менее чем с двумя предметными размежеваниями. Второе ПИ состояло как минимум из

двух предметных размежеваний в 21 случае из 33, третье — в одном из четырех. Таким образом, политические измерения, особенно первое, почти везде оказались многосоставными.

Что касается содержания политических измерений, то в 25 регионах доминирующее положение в первом ПИ принадлежало размежеванию «голуби»—«ястребы» (в этих случаях среди участников выборов обязательно присутствовало «Яблоко»), еще в семи оно занимало вторую ступеньку в иерархии. Противостояние власти и оппозиции по социально-экономическим вопросам (СЭ-ВО) в пяти регионах в первую очередь определяло лицо первого политического измерения, в пяти других доминировало в числе предикторов, в 24-х находилось на втором месте. В двух субъектах Федерации первое ПИ обуславливалось прежде всего размежеванием между властью и оппозицией по политическим вопросам (АД-ВО), в одном (Чечня) — исключительно им, в Санкт-Петербурге — противостоянием либералов и лоялистов по политическим вопросам (АД-ЛиЛо).

Второе политическое измерение чаще всего носило преимущественно авторитарно-демократический характер. В восьми регионах противостояние между властью и оппозицией по политическим вопросам (АД-ВО) исчерпывало собою содержание этого ПИ, в 24 — доминировало в иерархии, в двух занимало второе место. Роль социально-экономических размежеваний во втором ПИ относительно скромна: противостояние власти и оппозиции (СЭ-ВО) полностью определяло его содержание в трех регионах; противостояние либералов и коммунистов (СЭ-ЛиК) в одном регионе занимало первое место, в шести — второе, в пяти — третье.

Зато размежевание СЭ-ЛиК решающим образом определяло лицо третьего политического измерения, доминируя в трех регионах из четырех, причем в двух — без конкуренции. Еще в одном регионе (Нижегородская область) это ПИ имело всего один предиктор — размежевание между советскими традиционалистами и прогрессистами по мировоззренческим вопросам (Сист-СТП).

В целом на выборах в региональные собрания в 2016 г. первое политическое измерение было по преимуществу системным (Сист-ГЯ), второе — авторитарно-демократическим, третье (там, где оно имело) — социально-экономическим. В принципе это соответствовало структуре политических размежеваний на общезональном уровне.

В 2017 г. выборы в законодательные собрания проходили лишь в шести регионах. В одном (Краснодарский край) к ним были допущены пять партий, в трех (Северная Осетия, Удмуртия, Саратовская область) — шесть, в двух (Пензенская и Сахалинская области) — 10. Тем не менее во всех этих субъектах Федерации политическое пространство оказалось двумерным. Правда, состав политических измерений всюду был разным. Самым простым — в Краснодарском крае, где оба ПИ характеризовались противостоянием власти и оппозиции в политической

сфере (АД-ВО), при этом почти столь же сильно коррелируя с аналогичным противостоянием в социально-экономической сфере, а также друг с другом. Иными словами, здесь имело место единое размежевание между властью и оппозицией по авторитарно-демократической и социально-экономической линиям.

В остальных регионах картина сложнее. Первое ПИ везде было многосоставным — в Саратовской области и Осетии двух-, в Удмуртии и Сахалинской области трех-, в Пензенской и вовсе пятикомпонентным. В четырех из пяти регионов доминировало противостояние власти и оппозиции в социально-экономической сфере (СЭ-ВО), в Сахалинской области — «голубей» и «ястребов» (Сист-ГЯ)²¹.

Второе ПИ было односоставным в четырех регионах, двусоставным в Пензенской области и трехсоставным в Сахалинской. Практически везде оно целиком или по преимуществу носило авторитарно-демократический характер: в четырех случаях он обеспечивался противостоянием власти и оппозиции (АД-ВО), в саратовском «кейсе» — коммунистов и либералов (АД-КЛ)²². Только в Сахалинской области первым в иерархии стояло противостояние власти и оппозиции в социально-экономической сфере (СЭ-ВО), к которому почти вплотную примыкало размежевание «голубей» и «ястребов» (Сист-ГЯ).

Таким образом, наметилась тенденция к оттеснению «внешнеполитического» противостояния на второй план и выходу на первый властно-оппозиционной разновидности социально-экономического размежевания. Во многом это было связано с меньшей представленностью на выборах «Яблока», хотя, судя по саратовскому случаю, не только.

В 2018 г. выборы проводились в 16 регионах, но для удобства расчетов данные по Ненецкому АО мы объединили с данными по Архангельской области. Количество партий-участниц варьировало в диапазоне от четырех (Якутия) до девяти (Ульяновская область), однако всем регионам, как и в 2017 г., была присуща двумерность политического пространства. Почти везде политические измерения обнаруживали многосоставность (как правило, были двухкомпонентными). Исключения составили Башкортостан (первое ПИ), Смоленская и Ростовская области и Забайкальский край (второе ПИ) — здесь имело место противостояние власти и оппозиции в политической сфере (АД-ВО).

В девяти регионах первое ПИ характеризовалось доминированием властно-оппозиционного варианта социально-экономического размежевания (СЭ-ВО), в пяти — аналогичного варианта политического размежевания (АД-ВО) и лишь в одном (Владимирская область, где к выборам по партийным спискам было допущено «Яблоко») — противостояния «голубей» и «ястребов».

Второе ПИ в семи регионах имело по преимуществу авторитарно-демократическую окраску (АД-ВО), в пяти — социально-экономическую (СЭ-ВО). Противостояние между «голубями» и «ястребами» было значимо лишь для первого ПИ, и то не в первую очередь.

²¹ Здесь в выборах по пропорциональной системе участвовало «Яблоко». Правда, его присутствие на выборах в Саратовскую областную думу не помешало превалировать размежеванию СЭ-ВО, оттеснившему «внешнеполитическое» на второе место.

²² В параграфе «Методология исследования» такое предметное размежевание не упоминалось, но следует учитывать, что интерпретация этих размежеваний может сильно варьировать, поскольку политическая повестка от года к году пусть незначительно, но меняется, а в каждом регионе обычно свой набор участников выборов. В частности, противостояние коммунистов и либералов может иметь место только там, где либералы (в нашем случае «Яблоко») вообще допущены к выборам.

В 2019 г. выборы в законодательные собрания состоялись в 12 регионах. Число партий-участниц колебалось от пяти до девяти. Политическое пространство везде было двумерным. Политические измерения были односоставными только в Туве, Брянской области (первое ПИ; в обоих случаях СЭ-ВО), Севастополе, Республике Алтай и Волгоградской области (второе ПИ; везде та или иная разновидность авторитарно-демократического размежевания).

В 11 регионах в первом ПИ доминировала властно-оппозиционная разновидность социально-экономического размежевания (СЭ-ВО) и лишь в Республике Алтай — противостояние «голубей» и «ястребов». Показательно, что в последнем случае в выборах по партийным спискам участвовало «Яблоко» (правда, в Тульской области то же обстоятельство не помешало выходу на первый план властно-оппозиционного размежевания в социально-экономической сфере).

Второе ПИ в шести регионах отличалось доминированием властно-оппозиционного противостояния в политической сфере (АД-ВО), в пяти — такого же противостояния в социально-экономической сфере (СЭ-ВО), в Республике Алтай — размежеванием между либералами и лоялистами в политической сфере (АД-ЛиЛо).

В 2020 г. выборы в региональные legislatures прошли в 11 субъектах Федерации. Число партий-участниц варьировало от пяти до 11. В пяти регионах политическое пространство было двумерным, в остальных — трехмерным. Увеличение числа политических измерений объяснялось, судя по всему, выходом на сцену новых игроков («Новые левые», «За Правду», «Зеленая альтернатива», Партия прямой демократии), позиция которых по многим вопросам была весьма неопределенной: появившиеся в матрице нули множили число измерений, хотя, по сути, это умножение было фиктивным.

В семи регионах в первом ПИ доминировала властно-оппозиционная разновидность социально-экономического размежевания (СЭ-ВО), в трех — та же разновидность авторитарно-демократического размежевания (АД-ВО), в Костромской области — противостояние «голубей» и «ястребов» (Сист-ГЯ); как можно догадаться, в последнем случае в выборах участвовало «Яблоко».

Второе ПИ отличалось большим разнообразием. В четырех регионах ведущую роль в нем играла властно-оппозиционная разновидность авторитарно-демократического размежевания (АД-ВО), в четырех — противостояние лоялистов и консерваторов в политической сфере (АД-ЛоКон).

Третье ПИ в четырех случаях носило по преимуществу системный характер и только в двух — социально-экономический (социал-патерналисты против рыночников — СЭ-СПР).

Таким образом, к 2020 г. в структуре политических размежеваний на выборах в региональные собрания произошла инверсия: социально-экономическое и системное измерения поменялись местами — первое

выдвинулось вперед, второе сместилось на третью ступень в иерархии. В немалой степени это связано с недопуском на выборы либералов, прежде всего «Яблока», участие которого в федеральной кампании и создало предпосылки для доминирования размежевания по линии «голуби»—«ястребы».

В целом же картина политического противостояния существенно размылась, стала менее считываемой, причем не только для электората, но и для партий. Во многом этому способствовало появление новых игроков, не имеющих четкой позиции по большинству вопросов политической повестки.

Кроме того, на первый план с полной определенностью вышло противостояние власти и оппозиции — как в социально-экономической, так и в политической области. Убирая со сцены либералов, власть поспособствовала затуханию эффекта «крымской весны» и переносу акцента на те вопросы, по которым против нее объединились все, в том числе и недавние соратники по третированию «пятой колонны».

Электоральные размежевания и политические измерения

Внутренняя структура политических измерений формируется в ходе межпартийной дискуссии, итог которой предсказуем лишь приблизительно. Содержание политических измерений может оказаться не слишком различимым даже для искушенного наблюдателя, не говоря уже об обычных людях.

Выяснить, насколько политическая картина понятна электорату, можно путем сравнения факторных нагрузок партий в электоральном пространстве (по факторам межтерриториального разброса голосования по пропорциональной системе) с их же факторными нагрузками в пространстве политическом (по политическим измерениям и предметным размежеваниям).

Если при построении регрессионных моделей факторные нагрузки политических измерений выступают в роли предикторов электоральных размежеваний, это означает, что избирателю в целом понятна общая расстановка политических сил. Если такими предикторами являются только частные размежевания, значит, общая картина рассыпается, но избиратель «видит» расстановку сил в отдельных предметных областях. На еще большую фрагментацию политической картины указывает появление в числе предикторов частных размежеваний, не участвовавших в формировании политических измерений. Это свидетельствует о том, что большинство избирателей замечает только частные разногласия между партиями по узкому кругу вопросов. Наконец, отсутствие предикторов — признак того, что избиратели, поддерживая ту или иную партию, не обращают внимания на ее политические позиции, либо того, что официальные результаты выборов, мягко говоря, не отражают реальность.

Рассмотрим с этой точки зрения результаты множественной регрессии отношений между факторными нагрузками партий в электоральном и политическом пространствах.

В 2016 г. политические измерения послужили предикторами электоральных размежеваний в девяти из 39 регионов: в четырех случаях это было первое ПИ, в пяти — второе. В семи регионах они окрашивали первое электоральное размежевание, в двух (Санкт-Петербург и Пермский край) — второе. Причем нельзя сказать, что эти политические измерения были просты по содержанию: только в Орловской области первое ПИ состояло из единственного предметного размежевания (СЭ-ВО), во всех остальных случаях политические измерения были как минимум двусоставными. Следовательно, дело не в сложности содержания политических измерений, а в их соответствии структуре электората.

Лишь в шести регионах — Чечне, Ингушетии, Дагестане, Карелии, Кировской и Тверской областях — связи между электоральными и политическими размежеваниями вышли за рамки максимально допустимой погрешности (в нашем исследовании она поднята до 10%; $p < 0,1$). В первых трех это, вероятнее всего, обусловлено сомнительностью самих цифр, в трех последних — размыванием политической картины в восприятии избирателей и их голосованием скорее за людей, нежели за политические программы.

В большинстве регионов электоральные размежевания были связаны с противостоянием власти и оппозиции иногда в политической, но чаще в социально-экономической сфере (АД-ВО и СЭ-ВО). Случаи, когда в качестве предикторов электоральных размежеваний выступали предметные размежевания, не входящие в состав политических измерений, тоже встречались, хотя и редко.

В 2017 г. во всех шести регионах политической интерпретации поддавалось хотя бы одно из электоральных размежеваний, причем в Удмуртии и Пензенской области в роли политического размежевания выступало в том числе первое ПИ, имевшее достаточно сложную структуру. Почти в половине случаев предикторами являлись предметные размежевания, не повлиявшие на формирование политических измерений.

В 2018 г. в пяти из 15 регионов роль политических размежеваний играли политические измерения. При этом в трех субъектах Федерации (Забайкальский край, Владимирская и Ростовская области) такое политическое измерение (ПИ-2) включало единственный предиктор — противостояние власти и оппозиции по политическим вопросам (АД-ВО), а в двух других (Архангельская и Кемеровская области) было двусоставным. Без яркой политической окраски электоральные размежевания остались в Хакасии и Якутии, хотя конкуренция на выборах там была достаточно высока. Наиболее популярным политическим размежеванием в этом году оказалось противостояние власти и оппозиции в социально-экономической сфере (СЭ-ВО): в шести регионах оно проявило себя самостоятельно, еще в двух — в составе ПИ, сыгравших роль политических размежеваний.

В 2019 г. только в трех из 12 регионов (Крым, Карачаево-Черкессия, Брянская область) политические измерения выступили в качестве

политических размежеваний, везде это было второе ПИ и везде представляло собой сочетание противостояний между властью и оппозицией в социально-экономической сфере (СЭ-ВО) и между лоялистами и коммунистами в сфере политической (АД-ЛоКом). Лишь в двух субъектах Федерации (Республика Алтай и Волгоградская область) электоральные размежевания остались без политического наполнения. Наиболее распространенным политическим размежеванием, как и в 2018 г., было противостояние власти и оппозиции по социально-экономическим вопросам (СЭ-ВО). Не отразившиеся в политических измерениях предметные размежевания на размежевания электоральные не влияли.

В 2020 г. ПИ сыграли роль политических размежеваний почти в половине регионов — пяти из 11. Везде они были многосоставными и включали от двух до четырех компонентов. Слабо интерпретируемыми электоральные размежевания оказались только в Курганской области. Участие новых политических игроков сделало общую картину более запутанной, однако наиболее распространенной и на этот раз была властно-оппозиционная разновидность социально-экономического размежевания (СЭ-ВО).

Как видим, политические измерения на региональных выборах воспринимались в качестве политических размежеваний в среднем в трети случаев — с отклонениями в 2016, 2019 (четверть) и 2020 (45%) гг., причем нельзя сказать, чтобы эти измерения были простыми по структуре (исключение составил только 2018 г.). Собственно, в этом нет ничего экстраординарного. В отличие от индивидуального сознания, сознание массовое не является цельным и не предполагает полного охвата политической картины — в подавляющем большинстве случаев оно, наоборот, мозаично. Сложный состав политических измерений, воспринимаемых избирателем в качестве политических размежеваний, свидетельствует о диверсификации массового политического сознания, его поливариантности.

Эту поливариантность, однако, не следует переоценивать: самой популярной интерпретацией электоральных размежеваний во всех кампаниях оставалось достаточно простое для восприятия противостояние власти и оппозиции в политической и особенно социально-экономической сферах (АД-ВО и СЭ-ВО).

Заключение

В ходе общенациональной дискуссии партии вступают в борьбу по широкому кругу вопросов, в результате чего складываются различные комбинации противостояний. В идеальном случае эти комбинации сливаются в единую «право-левую» модель, служащую базой двухпартийной системы. Однако чаще всего отношения между партиями носят гораздо более сложный характер и порождают пространство с двумя, а то и тремя измерениями. Иногда эти измерения выступают в качестве самостоятельных размежеваний, но обычно они представляют собой сложный набор частных размежеваний.

В настоящей статье предложена методика определения содержания политических измерений. Сами ПИ выявляются путем факторного анализа позиций политических партий по актуальным вопросам повестки дня, вызывающим наибольшую поляризацию мнений. Факторный анализ позиций тех же партий в отдельных предметных областях — внутриполитической, социально-экономической, системной (внешняя политика + мировоззренческие вопросы) — позволяет выявить частные размежевания. На основе полученных данных строятся регрессионные модели, роль зависимых переменных в которых играют факторные нагрузки партий внутри политических измерений, а независимых — их же факторные нагрузки внутри предметных размежеваний. Эти модели позволяют оценить удельный вес того или иного предметного размежевания в рамках каждого из политических измерений и, соответственно, прояснить содержание последних.

Применение описанной методики к общенациональной дискуссии показало, что на конец осени 2020 г. первое ПИ характеризовалось прежде всего размежеванием между «голубыми» и «ястребами» во внешней политике (Сист-ГЯ) и, дополнительно, противостоянием власти и оппозиции в социально-экономической сфере (СЭ-ВО); второе — противостоянием власти и оппозиции в политической сфере (АД-ВО), дополненным размежеванием между «голубыми» и «ястребами» во внешней политике (Сист-ГЯ) и между либералами и коммунистами в социально-экономической сфере (СЭ-ЛиК); третье — противостоянием либералов и коммунистов в социально-экономической сфере (СЭ-ЛиК, ведущее место), либералов и лоялистов в политической сфере (АД-ЛиЛо) и власти и советских традиционалистов в сфере системной (Сист-СТП).

Использование той же методики для анализа результатов выборов в региональные собрания по пропорциональной системе (2016—2020 гг.) позволило проследить, в какой степени количество и состав участников этих выборов влияли на количество и состав политических измерений. Обнаружилось, что увеличение числа участников не только расширяет размерность политического пространства (впрочем, политических измерений в любом случае было два или три — не больше и не меньше), но и делает более разнообразным содержание самих ПИ.

Выявлена, кроме того, еще одна закономерность — постепенное изменение иерархии доминирующих предметных размежеваний внутри политических измерений. Если на региональных выборах 2016 г. эта иерархия в целом совпадала с общенациональной: первое ПИ было по преимуществу системным («голуби» против «ястребов»), второе — авторитарно-демократическим, третье (там, где оно имелось) — социально-экономическим, то к 2020 г. социально-экономическое и системное измерения поменялись местами. Во многом это было связано с недопуском на выборы либералов, прежде всего «Яблока», участие которого и создавало предпосылки для усиления роли размежевания по линии «голуби»—«ястребы».

В целом ввиду выхода на сцену новых игроков, не имевших четких позиций по большинству вопросов политической повестки, картина политического противостояния постепенно размывалась, и на передний план выдвигалось противостояние власти и оппозиции как в социально-экономической, так и в политической области.

Что касается массового сознания, то политические измерения воспринимались избирателями в качестве самостоятельных размежеваний в среднем лишь на каждых третьих выборах. Причем в большинстве случаев эти измерения были сложными по составу, что свидетельствует о диверсификации массового политического сознания, возрастании его поливариантности. Вместе с тем наиболее распространенным вариантом политического содержания электоральных размежеваний являлось достаточно легко улавливаемое массовым сознанием противостояние власти и оппозиции в политической и особенно социально-экономической сферах. Поэтому можно констатировать преобладающую тенденцию к упрощению политической картины в глазах массового избирателя.

Библиография

- Ахременко А.С. (2007) *Структура электорального пространства*. М.: Социально-политическая мысль.
- Коргунюк Ю.Г. (2013) «Концепция размежеваний и факторный анализ» // *Полития*, № 3 (70): 31–51. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Korgunyuk-2013-3\(70\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Korgunyuk-2013-3(70).pdf) (проверено 15.04.2021).
- Коргунюк Ю.Г. (2017) «Выборы по пропорциональной системе как массовый опрос общественного мнения» // *Политическая наука*, № 1: 90–119.
- Коргунюк Ю.Г. (2019) «Концепция размежеваний и теория проблемных измерений: точки пересечения» // *Полис. Политические исследования*, № 6: 95–112. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2019/6/Polis-6-2019-Korgunyuk.pdf> (проверено 15.04.2021).
- Лейпхарт А. (1997) *Демократия в многосоставных обществах: Сравнительное исследование*. М.: Аспект Пресс.
- Bornschier S. (2010) *Cleavage Politics and the Populist Right: The New Cultural Conflict in Western Europe*. Philadelphia: Temple University Press.
- Budge I. (1987) «The Internal Analysis of Election Programmes» // Budge I., D.Robertson, and D.Hearl, eds. *Ideology, Strategy and Party Change: Spatial Analyses of Post-War Election Programmes in 19 Democracies*. Cambridge: Cambridge University Press: 15–38.
- Budge I. and J.Homola. (2012) «How Far Have European Political Parties Followed the Americans to the Right in the Later Post-War Period?» // *Cambio. Rivista sulle Trasformazioni Sociali*, vol. 2, no. 4: 71–86.
- Franklin M. (1992) «The Decline of Cleavage Politics» // Franklin M., T.Mackie, and H.Valen, eds. *Electoral Change: Responses to Evolving Social and Attitudinal Structures in Western Countries*. Cambridge: Cambridge University Press: 381–402.

Häusermann S. and H.Kriesi. (2015) «What Do Voters Want? Dimensions and Configurations in Individual-level Preferences and Party Choice» // Beramendi P., S.Häusermann, H.Kitschelt, and H.Kriesi, eds. *The Politics of Advanced Capitalism*. Cambridge: Cambridge University Press: 202—230.

Hooghe L., G.Marks, C.J.Wilson. (2002) «Does Left/Right Structure Party Positions on European Integration?» // *Comparative Political Studies*, vol. 35, no. 8: 965—989.

Hooghe L. and G.Marks. (2018) «Cleavage Theory Meets Europe's Crises: Lipset, Rokkan, and the Transnational Cleavage» // *Journal of European Public Policy*, vol. 25, no. 1: 109—135.

Inglehart R. (1990) *Cultural Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton: Princeton University Press.

Korgunyuk Y. (2020) «Issue Dimensions and Cleavages: How the Russian Experience Helps to Look for Cross-points» // *Russian Politics*, vol. 5, June: 206—235.

Kriesi H., E.Grande, M.Dolezal, M.Helbling, D.Höglinger, S.Hutter, and B.Wüest. (2012) *Political Conflict in Western Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lipset S.M. and S.Rokkan. (1967) «Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction» // Lipset S.M. and S.Rokkan, eds. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York: Free Press: 1—64.

Müller-Rommel F., ed. (1989) *New Politics in Western Europe: The Rise and Success of Green Parties and Alternative Lists*. Boulder: Westview.

Rae D.W. (1967) *The Political Consequences of Electoral Laws*. New Haven: Yale University Press.

Rae D.W. and M.Taylor. (1970) *The Analysis of Political Cleavages*. New Haven: Yale University Press.

Slider D., V.E.Gimpelson, and S.Chugrov. (1994) «Political Tendencies in Russia Regions — Evidence from the 1993 Parliamentary Elections» // *Slavic Review*, vol. 53, no. 3: 711—732.

Sata R. and I.P.Karolewski. (2020) «Caesarean Politics in Hungary and Poland» // *East European Politics*, vol. 36, no. 2: 206—225.

Stoll H. (2004) *Social Cleavages, Political Institutions and Party Systems: Putting Preferences Back into the Fundamental Equation of Politics*. Ph.D. diss. Santa Barbara: University of California. URL: <http://www.polsci.ucsb.edu/faculty/hstoll/research/thesis.pdf> (accessed on 17.04.2021).

Teney C., O.P.Lacewell, and P. de Wilde. (2014) «Winners and Losers of Globalization in Europe: Attitudes and Ideologies» // *European Political Science Review*, vol. 6, no. 4: 575—595.

Torcal M. and S.Mainwaring. (2002) «The Political Recrafting of Social Bases of Party Competition: Chile, 1973—95» // *British Journal of Political Science*, vol. 33, no. 1: 55—84.

Таблица 1 Факторы размежевания политических позиций российских партий на конец осени 2020 г.

Variable	Factor Loadings (Unrotated) (PD 2016–20.sta) Extraction: Principal components (Marked loadings are >0,700000)		
	Factor 1	Factor 2	Factor 3
«Единая Россия»	-0,125	-0,824	0,401
КПРФ	-0,794	0,183	-0,424
«Справедливая Россия»	-0,847	0,128	0,074
ЛДПР	-0,774	0,040	0,094
«Яблоко»	0,162	0,953	0,081
«Патриоты России»	-0,834	-0,132	-0,006
ПАРНАС	0,244	0,910	0,156
«Коммунисты России»	-0,780	0,210	-0,413
Российская партия пенсионеров за социальную справедливость	-0,562	-0,010	0,523
Партия роста	-0,445	0,510	0,523
«Родина»	-0,857	-0,093	0,004
Expl.Var	4,601	2,797	1,104
Prp.Totl	41,83%	25,43%	10,04%

Рисунок 1 Первый фактор размежевания политических позиций российских партий на конец осени 2020 г.

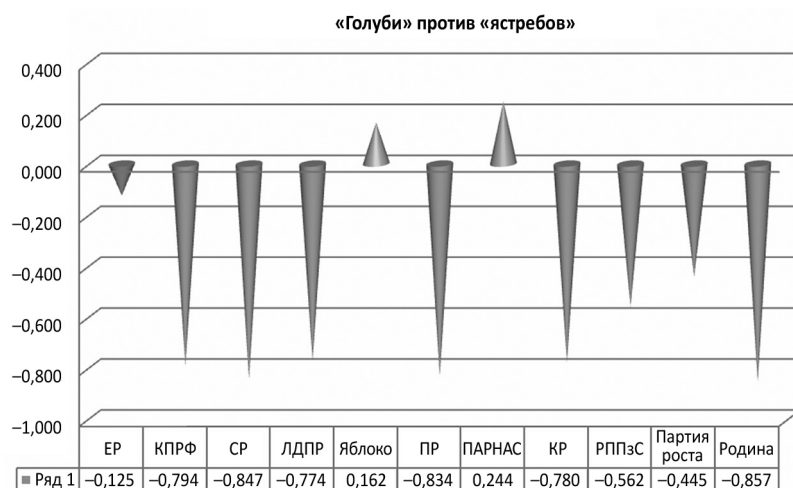

Таблица 2 Вопросы, вызвавшие наибольшее межпартийное размежевание по первому фактору

	<i>Фактор 1</i>
Законность присоединения Крыма	-1,344
Поддержка путинской внешней политики	-1,344
Евразийская интеграция как альтернатива ориентации на Запад	-1,296
Введение прогрессивной шкалы подоходного налога	-1,271
Необходимость реиндустриализации	-1,247
Целесообразность вмешательства России в сирийский конфликт	-1,174
Пропаганда традиционных ценностей	-1,173
Отказ от преследования за пропаганду гомосексуализма	2,122
Повышение пенсионного возраста	2,153
Отмена (бойкот) всенародного голосования по поправкам к Конституции	2,228
Обоснованность подозрений в причастности РФ к покушению на Сергея Скрипаля	2,395
Причастность России к катастрофе с малазийским «Боингом»	2,433
Причастность России к военным действиям на юго-востоке Украины	2,509

Рисунок 2 Второй фактор размежевания политических позиций российских партий на конец осени 2020 г.

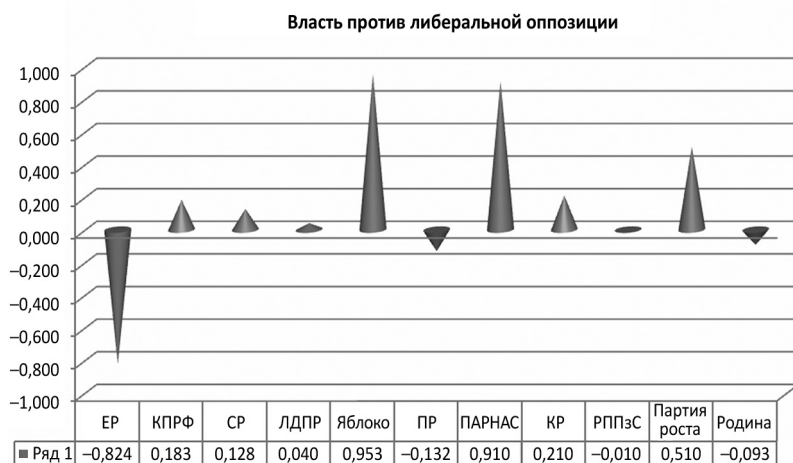

Таблица 3 Вопросы, вызвавшие наибольшее межпартийное размежевание по второму фактору

	Фактор 2
Повышение НДС	-1,487
Поддержка блокировки Роскомнадзором мессенджера Telegram	-1,486
Повышение пенсионного возраста	-1,418
Поддержка бюджетной политики правительства	-1,416
Способность Центробанка и правительства вывести экономику из стагнации	-1,414
Введение дистанционного голосования на выборах	-1,412
«Изменение избирательного законодательства подчинено интересам „партии власти“»	1,537
«Кризис в экономике не преодолен»	1,546
«Власть использует на выборах административный ресурс»	1,547
Необходимость прямых выборов в Совет Федерации	1,555
«Власть строит препятствия оппозиции на выборах»	1,594
«Капитальный ремонт многоквартирных домов — задача государства»	1,636

Рисунок 3 Третий фактор размежевания политических позиций российских партий на конец осени 2020 г.

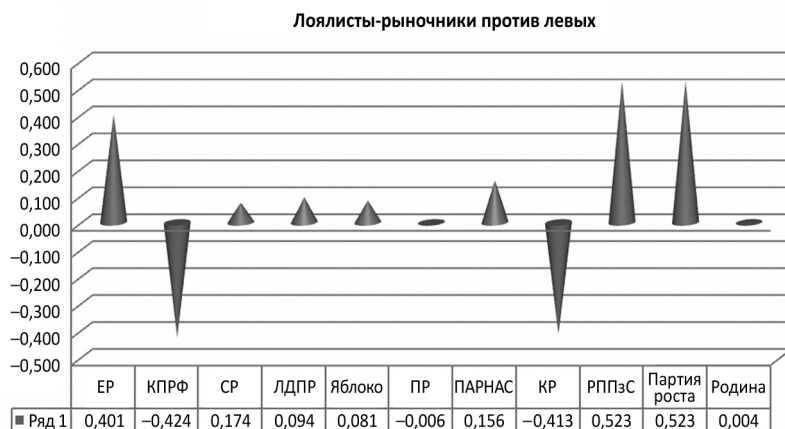

Таблица 4 Вопросы, вызвавшие наибольшее межпартийное размежевание по третьему фактору

	Фактор 3
Государственное регулирование цен и тарифов	-2,378
Отношение к Октябрьской революции	-2,164
Перенос Дня России с 12 июня на другое число	-2,029
Возврат к бюджетному финансированию медицины и образования	-1,837
«ГКЧП был исторически прав»	-1,827
Национализация базовых отраслей экономики	-1,809
Отмена независимости Центробанка	-1,767
Отказ от либеральной модели экономики	-1,726
Перезахоронение Ленина	1,884
Нежелательность чрезмерного вмешательства государства в экономику	1,983
«Частная собственность эффективнее государственной»	2,502
Отношение к путинским поправкам к Конституции	2,660
Поддержка Путина	2,837

Таблица 5 Корреляция факторных нагрузок партий в основных политических измерениях и размежеваниях по отдельным предметным областям

Variable	Correlations (Spreadsheet 14) Marked correlations are significant at $p < ,05000$ $N=11$ (Casewise deletion of missing data)						
	АД-ВО	АД-ЛуЛо	СЭ-ВО	СЭ-ЛуК	Сист-ГЯ	Сист-СПП	Сист-ВСТ
ПИ-1	0,208	0,534	0,452	-0,813	0,892	-0,483	-0,161
	p=0,539	p=0,091	p=0,163	p=0,002	p=0,000	p=0,132	p=0,636
ПИ-2	-0,762	0,760	-0,562	-0,585	0,802	-0,550	0,611
	p=0,006	p=0,007	p=0,072	p=0,059	p=0,003	p=0,079	p=0,046
ПИ-3	0,504	-0,449	0,508	-0,668	0,170	-0,689	-0,766
	p=0,114	p=0,166	p=0,111	p=0,025	p=0,617	p=0,019	p=0,006

Таблица 6 Регрессионная модель связей между политическими измерениями и размежеваниями по отдельным предметным областям

	ПИ-1		ПИ-2		ПИ-3	
	R^2	P -level	R^2	P -level	R^2	P -level
Коэффициент детерминации	0,997	0,000	0,996	0,000	0,967	0,000
	Beta-коэфф.	Ст. ошибка	Beta-коэфф.	Ст. ошибка	Beta-коэфф.	Ст. ошибка
АД-ВО	–	–	–0,647	0,027	–	–
АД-ЛиЛо	–	–	–	–	–0,512	0,118
СЭ-ВО	0,450	0,020	–	–		
СЭ-ЛиК	–	–	–0,210	0,043	–0,784	0,088
Сист-ГЯ	0,890	0,020	0,473	0,044	–	–
Сист-СТП	–	–	–	–	–	–
Сист-ВСТ	–	–	–	–	–0,280	0,113

Yu. G. Korgunyuk
POLITICAL DIMENSIONS
AND ISSUE DIVISIONS:
METHOD FOR DETERMINING INTERACTION

Yury G. Korgunyuk — Doctor of Political Science; Leading Researcher at the Political Science Department of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Head of the Political Science Department at INDEM Foundation. E-mail: partinform@mail.ru.

Abstract. The article presents and justifies a method for determining the content of political dimensions. Political dimensions are calculated via factor analysis of party positions on popular political issues that are on the agenda. In addition, the author proposes to conduct a factor analysis of parties' positions

on specific issue domains — domestic politics, socio-economic policy, and systemic area. Factor loadings of the parties' specific issue divisions are used as independent variables for building a regression model, whereas factor loadings of the same parties' general issue divisions are used as a dependent variable. Such models allow the author to calculate the specific weight of this and the other specific issue division within each of the political dimensions and thus determine the content of the latter.

The application of the method to the analysis of the national discussion demonstrated that, in the late autumn of 2020, the first issue dimension was characterized by the confrontation between “hawks” and “doves” in the international affairs (systemic issue domain) and, additionally, the authorities vs. opposition competition in the socio-economic sphere; the second dimension — by the authorities vs. opposition competition in the domestic politics, coupled with the confrontation between “hawks” and “doves” in the foreign policy and the struggle between communists and liberals in the socio-economic sphere; the third one — by the confrontation between liberals and loyalists in the domestic politics and between authorities and Soviet traditionalists in the systemic sphere.

The application of the method to analyzing the results of the regional assemblies' elections (2016—2020) allowed the author to conclude that the increase in the number of participating parties not only broadened dimensionality of the political space, but also increased the variety of issue divisions. The author also documented the change in the structure of the dominant specific issue divisions within the political dimensions, as well as the erosion of the political picture and the authorities vs. opposition confrontation coming to the forefront almost in every sphere.

The analysis shows that, on average, voters perceived political dimensions as independent political cleavages in only a third of the cases. The complex composition of these dimensions indicates an increase in the polyvariance of the mass political consciousness; however, this tendency is compensated by the prevalence of easier-to-perceive forms — the confrontation between the authorities and opposition in the political and socio-economic spheres.

Keywords: cleavage theory, political parties, issue dimensions, mass consciousness, regional assemblies' elections, post-Soviet Russia

References

- Akhremenko A.S. (2007) *Struktura elektoral'nogo prostranstva* [The Structure of the Electoral Space]. Moscow: Sotsial'no-politicheskaja mysl'. (In Russ.)
- Bornschier S. (2010) *Cleavage Politics and the Populist Right: The New Cultural Conflict in Western Europe*. Philadelphia: Temple University Press.
- Budge I. (1987) “The Internal Analysis of Election Programmes” // Budge I., D.Robertson, and D.Hearl, eds. *Ideology, Strategy and Party Change: Spatial Analyses of Post-War Election Programmes in 19 Democracies*. Cambridge: Cambridge University Press: 15—38.

Budge I. and J.Homola. (2012) “How Far Have European Political Parties Followed the Americans to the Right in the Later Post-War Period?” // *Cambio. Rivista sulle Trasformazioni Sociali*, vol. 2, no. 4: 71–86.

Franklin M. (1992) “The Decline of Cleavage Politics” // Franklin M., T.Mackie, and H.Valen, eds. *Electoral Change: Responses to Evolving Social and Attitudinal Structures in Western Countries*. Cambridge: Cambridge University Press: 381–402.

Häusermann S. and H.Kriesi. (2015) “What Do Voters Want? Dimensions and Configurations in Individual-level Preferences and Party Choice” // Beramendi P., S.Häusermann, H.Kitschelt, and H.Kriesi, eds. *The Politics of Advanced Capitalism*. Cambridge: Cambridge University Press: 202–230.

Hooghe L., G.Marks, C.J.Wilson. (2002) “Does Left/Right Structure Party Positions on European Integration?” // *Comparative Political Studies*, vol. 35, no. 8: 965–989.

Hooghe L. and G.Marks. (2018) “Cleavage Theory Meets Europe’s Crises: Lipset, Rokkan, and the Transnational Cleavage” // *Journal of European Public Policy*, vol. 25, no. 1: 109–135.

Inglehart R. (1990) *Cultural Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton: Princeton University Press.

Korgunyuk Yu.G. (2013) “Kontseptsija razmezhevanij i faktornyj analiz” [Concept of Cleavages and Factor Analysis] // *Politeia*, no. 3 (70): 31–51. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Korgunyuk-2013-3\(70\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Korgunyuk-2013-3(70).pdf) (accessed on 15.04.2021). (In Russ.)

Korgunyuk Yu.G. (2017) “Vybory po proporcional’noj sisteme kak massovyj opros obshchestvennogo mnenija” [Elections by a Proportional System as a Mass Public Opinion Poll] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 1: 90–119. (In Russ.)

Korgunyuk Yu.G. (2019). “Kontseptsija razmezhevanij i teorija problemnykh izmerenij: tochki peresechenija” [Cleavage Theory and Issue Dimension Theory: Cross Points] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 6: 95–112. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2019/6/Polis-6-2019-Korgunyuk.pdf> (accessed on 15.04.2021). (In Russ.)

Korgunyuk Y. (2020) “Issue Dimensions and Cleavages: How the Russian Experience Helps to Look for Cross-points” // *Russian Politics*, vol. 5, June: 206–235.

Kriesi H., E.Grande, M.Dolezal, M.Helbling, D.Höglinger, S.Hutter, and B.Wüest. (2012) *Political Conflict in Western Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lijphart A. (1997) *Demokratija v mnogostavnykh obshchestvakh: Sravnitel’noe issledovanie* [Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration]. Moscow: Aspekt-Press. (In Russ.)

Lipset S.M. and S.Rokkan. (1967) “Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction” // Lipset S.M. and S.Rokkan, eds. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York: Free Press: 1–64.

- Müller-Rommel F., ed. (1989) *New Politics in Western Europe: The Rise and Success of Green Parties and Alternative Lists*. Boulder: Westview.
- Rae D.W. (1967) *The Political Consequences of Electoral Laws*. New Haven: Yale University Press.
- Rae D.W. and M.Taylor. (1970) *The Analysis of Political Cleavages*. New Haven: Yale University Press.
- Slider D., V.E.Gimpelson, and S.Chugrov. (1994) “Political Tendencies in Russia Regions — Evidence from the 1993 Parliamentary Elections” // *Slavic Review*, vol. 53, no. 3: 711—732.
- Sata R. and I.P.Karolewski. (2020) “Caesarean Politics in Hungary and Poland” // *East European Politics*, vol. 36, no. 2: 206—225.
- Stoll H. (2004) *Social Cleavages, Political Institutions and Party Systems: Putting Preferences Back into the Fundamental Equation of Politics*. Ph.D. diss. Santa Barbara: University of California. URL: <http://www.polsci.ucsb.edu/faculty/hstoll/research/thesis.pdf> (accessed on 17.04.2021).
- Teney C., O.P.Lacewell, and P. de Wilde. (2014) “Winners and Losers of Globalization in Europe: Attitudes and Ideologies” // *European Political Science Review*, vol. 6, no. 4: 575—595.
- Torcal M. and S.Mainwaring. (2002) “The Political Recrafting of Social Bases of Party Competition: Chile, 1973—95” // *British Journal of Political Science*, vol. 33, no. 1: 55—84.